

Chanel, коллекция «осень-зима 2009–2010»

Броши из коллекции Faberge, 2011 год (по часовой стрелке): Lara a Irkutsk, Lara a Kizhi, Lara Patineuse sur la Neva, Lara a Talashkino

не наряжается в крестьянку (тут вспоминается, кстати, знаменитый императорский бал 2003 года, когда именно в таких, шитых зернью и песцом, «допетровских» нарядах, собралась в Зимнем дворце вся придворная Россия), Лара ходит по грибы в косынке Hermes и простой шелковой юбке или катается на коньках в подбитом норкой парчовом тулупчике — словом, наслаждается жизнью на своей дача. Противостояние «Anna vs Lara» очень хорошо прослеживается, например, в осенней «славянской» коллекции Готье 2005 года: условные анны — в длинных, до пола, пальто и накидках, приталенных бархатных костюмах, с высокими вечерними прическами. Условные лары — в полубухах расписных, меховых юбках до колена и узорчатых платках. Анны — в жабо и оборках; лары — в фольклорных вышитых платьях и меховых жилетках (волосы, вчесанные в «кокошник», тут опережают более позднюю находку Лагерфельда). То на аннах, то на ларах появляются гигантские меховые ушанки, однако у анн они украшены камнями, а у лар — цветным мехом, красным и зеленым. Другим примером оказывается русско-балканская коллекция Гальяно (осень-зима 2009/10): лары в красных вышитых мини-юбках и золотых монистах, анны — в черных прозрачных вечерних платьях, отороченных перьями, и в прозрачных же белых, со стратегически расположенными аппликациями из стразов. Ощущение угрозы на показе Гальяно вполне передавалось не только наличием мерлушковых папах, но и макияжем моделей: мертвенно-белые лица с запавшими глазами и алыми

губами напоминали о том, что «Анной» и «Ларой» не исчерпывается небогатая палитра «русских» дизайнерских мифологем. В «Русской коллекции» лаков для ногтей марки OPI один лак назвался Boris And Natasha — по именам двух шпионов из комикса времен холодной войны, другой — «Русский флот» (Russian Navy, игра слов, связанная с темно-синим цветом лака), третий — «Сибирская ночь». Рассказывают, что стилист одной из западных люксовых марок, создавших «русскую» коллекцию, всерьез пытался достать для съемок «пулемет "Катюша"». Осенняя коллекция Vega Wang в 2007 году была вдохновлена «как простой красотой и собственным достоинством крестьянина, так и сдержанной суровостью большевистских рабочих». В «русской» коллекции Dolce & Gabbana осенью 2005 года фигурировали папахи, протовенные фуражки и пальто-милитари с барашковыми отложными воротниками. В «русской» коллекции pret-a-porter Kenzo (осень 2009) дизайнер Антонио Маррас совместил, по утверждению одного обозревателя, три образа — досоветский, послесоветский и современный¹⁰. Среди прочего в коллекцию вошли перетянутые псевдосолдатским ремнем мешковатые костюмы цвета хаки (после съемок коллекции, прошедших под Санкт-Петербургом, Маррас заявил, что «теперь для него Россия — как вторая родина»¹¹). Джамбаттиста Валли, в 2009 году создавший для Moncler пальто с имперскими орденами, утверждал, что вдохновлялся «Русским ковчегом» Сокурова: «Знаки милитари — как у гусаров, ткани — как у цариц!»¹² Почти ни одна «русская» коллек-

ция не обходится без армейского мотива — и вообще без мотива угрозы. Марка Kokontozai представила меньше года назад черное платье-рубашку под названием Church Dress — с крестами, черепами и надписями по-русски.

Лара дома: русские дизайнеры и русская тема

Одной из самых примечательных закономерностей, которая начинает выделяться при исследовании темы «русского» в современном костюме, оказывается закономерность сезонная: почти все «русские» коллекции западных дизайнеров — зимние, в то время как дизайнеры российские склоняются к созданию в этом ключе летних вещей. Другое интересное впечатление касается работы с цветом: западные «русские» коллекции часто строятся на сочетаниях красного, белого, черного и золотого, российские — на светлой палитре. Третьим фактором различия оказываются материалы: в западных коллекциях очень часто «русское» выражается обилием металла, кожи, парчи, жестких структурных материалов; россияне так же часто работают с муслином, льном, деревом. Это противостояние триад («темное, жесткое, холодное» vs «светлое, мягкое, теплое») вполне захватывающе само по себе — и требует, возможно, отдельного разговора про восприятие России изнутри и снаружи. Возможно, часть этого разговора могла бы идти о том, что «русские» коллекции, строящиеся на максимально узнаваемых, стереотипических элементах, опираются для дизайнеров западных и российских на разные стереотипы. Так, «русская зима» вполне имеет на Западе собственные мифические легкоу-